

Пропавшее дело

Ужасно плакать хочется! Зареви я, так, кажется, легче бы стало.

Был восхитительный вечер. Я нарядился, причесался, надушился и дон Жуаном покатыл к ней. Живет она на даче в Сокольниках. Она молода, прекрасна, получает в приданое 30000, немножко образованна и любит меня, автора, как кошка.

Приехав в Сокольники, я нашел ее сидящей на нашей любимой скамье под высокими, стройными елями. Увидев меня, она быстро поднялась и, сияющая, пошла мне навстречу.

Как вы жестоки! заговорила она. Можно ли так опаздывать? Ведь вы знаете, как я скучаю! Экой вы!

Я поцеловал ее хорошенькую ручку и, трепещущий, пошел вместе с ней к скамье. Я трепетал, ныл и чувствовал, что мое сердце воспалено и близко к разрыву. Пульс был горячечный.

И немудрено! Я приехал решить окончательно свою судьбу. Пан, мол, или пропал... Всё зависело от этого вечера.

Погода была чудесная, но не до погоды мне было. Я не слушал даже певшего над нашими головами соловья, несмотря на то, что соловья обязательно слушать на всяком мало-мальски порядочном rendez-vous¹.

Чего же вы молчите? спросила она, глядя мне в лицо.

Так... Чудный вечер такой... Маман ваша здорова?

Здорова.

Гм... Так... Я, видите ли, Варвара Петровна, хочу с вами поговорить... Для того только я и приехал... Я молчал, молчал, но теперь... слуга покорный! Я не в состоянии молчать.

Варя нагнула голову и дрожащими пальчиками затерзала цветок. Она знала, о чем я хотел говорить. Я помолчал и продолжал:

Для чего молчать? Как ни молчи, как ни робей, а рано или поздно придется дать волю... чувству и языку. Вы, может быть, оскорбитесь... может быть, не поймете, но... что ж?

Я умолк. Нужно было составить подходящую фразу.

Да говори же! протестовали ее глазки. Мямля! Чего мучаешь?

Вы, конечно, давно уже догадались, продолжал я, помолчав, зачем я каждый день хожу сюда и своим присутствием мозолю ваши глаза. Как не догадаться?

Вы, наверное, давно уже, со свойственной вам проницательностью, угадали во мне то чувство, которое... (Пауза.) Варвара Петровна!

Варя еще ниже нагнулась. Пальчики ее заплясали.

Варвара Петровна!

Ну?

Я... Да что говорить?! Понятно и без того... Люблю, вот и всё... Чего ж тут еще говорить? (Пауза.) Ужасно люблю! Я вас так люблю, как... Одним словом, соберите все на этом свете существующие романы, вычитайте все находящиеся в них объяснения в любви, клятвы, жертвы и... вы получите то, что... теперь в моей груди того... Варвара Петровна! (Пауза.) Варвара Петровна!! Чего же вы-то молчите?!

Что вам?

Неужели... нет?

Варя подняла головку и улыбнулась.

Ах, чёрт возьми! подумал я. Она улыбнулась, шевельнула губками и чуть слышно проговорила: Почему же нет?

Я схватил отчаянно руку, отчаянно поцеловал, бешено схватил за другую руку... Она молодец! Пока я возился с ее руками, она положила свою головку мне на грудь, причем я в первый только раз уразумел, какую роскошью были ее чудные волосы.

Я поцеловал ее в голову, и в моей груди стало так тепло, как будто бы в ней поставили самовар. Варя подняла лицо, и мне ничего не оставалось, как только поцеловать ее в губки.

И вот, когда Варя была уже окончательно в моих руках, когда решение о выдаче мне тридцати тысяч готово уже было к подписанию, когда, одним словом, хорошенькая жена, хорошие деньги и хорошая карьера были для меня почти обеспечены, чёрту нужно было дернуть меня за язык...

Мне захотелось перед моей суженой порисоваться, блеснуть своими принципами и похвастать. Впрочем, сам не знаю, чего мне захотелось...

Вышло страсть как скверно!

Варвара Петровна! начал я после первого поцелуя. Прежде чем взять с вас слово быть моею женою, считаю священнейшим долгом, во избежание могущих произойти недоразумений, сказать вам несколько слов. Я буду короток... Знаете ли вы, Варвара Петровна, кто я и что я? Да, я честен! Я труженик! Я... я горд! Мало того... У меня есть будущее... Но я беден... Я ничего не имею.

Я это знаю, сказал Варя. Не в деньгах счастье.

Да... Кто же говорит о деньгах? Я... я горд своею бедностью. Копейки, которые я получаю за свои литературные работы, я не променяю на те тысячи, которые... которыми...

Понятно. Ну-с...

Я привык к бедности. Мне она ничего. Я в состоянии неделю не обедать... Но

вы! Вы! Неужели вы, которая не в состоянии пройти двух шагов, чтобы не нанять извозчика, надевающая каждый день новое платье, бросающая в стороны деньги, не знавшая никогда нужды, вы, для которой не модный цветок есть уже большое несчастье, неужели вы согласитесь расстаться для меня с земными благами? Гм...

У меня есть деньги. У меня приданое!

Пустое! Для того чтобы прожить десяток, другой тысяч, достаточно только несколько лет... А потом? Нужда? Слезы? Верьте, дорогая моя, моему опыту! Знаю-с! знаю, что говорю! Для того чтобы бороться с нуждой, нужно иметь сильную волю, нечеловеческий характер!

Да и чепуху же я мелю! подумал я и продолжал:

Подумайте, Варвара Петровна! Подумайте, на какой шаг вы решаетесь! Шаг бесповоротный! Есть у вас силы идите за мной, нет сил бороться откажите мне! О! Лучше пусть я буду лишен вас, чем... вы вашего покоя! Те сто рублей, которые дает мне ежемесячно литература, ничто! Их не хватит! Подумайте же, пока не поздно!

Я вскочил.

Подумайте! Где бессилие там слезы, упреки, ранние седины... Предупреждаю вас, потому что я честный человек. Чувствуете ли вы себя настолько сильной, чтобы разделить со мной жизнь, которая своею внешнею стороною не похожа на вашу, чужда вам? (Пауза.)

У меня же есть приданое!

Сколько? Двадцать, тридцать тысяч! Ха-ха! Миллион? И потом, кроме этого, позволю ли я себе присваивать то, что... Нет! Никогда! Я горд!

Я прошелся несколько раз около скамьи. Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, уважали, коли задумались.

Итак, жизнь со мной и лишения или же жизнь без меня и богатство...

Выбирайте... Есть силы? У моей Вари есть силы?

И говорил в таком роде очень долго. Я незаметно увлекся. Говорил я и в то же время чувствовал в себе раздвоение. Одна половина меня увлекалась тем, что я говорил, а другая мечтала: А вот подожди, матушка! Заживем на твои 30000 так, что небу жарко станет! Надолго хватит!

Варя слушала, слушала... Наконец она поднялась и протянула мне руку.

Благодарю вас! сказала она и сказала таким голосом, который заставил меня вздрогнуть и взглянуть на ее глаза. На ее глазах и щеках сверкали слезы...

Благодарю вас! Вы хорошо сделали, что были со мной откровенны... Я неженка... Я не могу... Не пара вам...

И зарыдала. Я опростоволосился... Всегда теряюсь, когда вижу плачущих женщин, а тут и подавно. Пока я думал, что предпринять, она заглушила рыдания и утерла слезы.

Вы правы, сказала она. Если я пойду за вами, обману вас. Не мне быть вашей женой. Я богачка, неженка, езжу на извозчиках, кушаю бекасов и дорогие пирожки. Я никогда за обедом не ем супа и щей. Меня и мама стыдит постоянно... А не могу я без этого! Я не могу ходить пешком... Я утомляюсь... И потом платья... Всё это вам придется на свой счет шить... Нет! Прощайте! И, сделав трагический жест рукой, она ни к селу ни к городу произнесла: Я недостойна вас! Прощайте!

Она произнесла, повернулась и пошла восвояси. А я? Я стоял, как дурак, ничего не думал, глядел ей вслед и чувствовал, что земля колеблется подо мной. Когда я пришел в себя и вспомнил, где я и какую грандиозную пакость соорудил мне мой язык, я взвыл. Ее уже и след простыл, когда я захотел крикнуть ей: Воротитесь!!.

Посрамленный, не солоно хлебавший, отправился я домой. У заставы конки уже не было. Денег на извозчика у меня тоже не было. Пришлось домой отправляться пешком.

Дня через три поехал я в Сокольники. На даче мне сказали, что Варя чем-то больна и собирается с отцом в Петербург, к бабушке. Толку никакого не добился...

Теперь лежу я на кровати, кусаю подушку и бью себя по затылку. За душу скребут кошки... Читатель, как поправить дело? Как воротить свои слова назад? Что ей сказать или написать? Уму непостижимо! Пропало дело и как глупо пропало! свидании (франц.).